

Р30.093

Дельян Бедный

**СТЕПАН
ЗАВГОРОДНЫЙ**

Героическим бойцам, защищающим наш великий Советский Союз, украинскому народу и всей моей украинской родне посвящаю эту повесть.

Демьян Бедный

СТЕПАН
ЗАВГОРОДНИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1941

Подлинные факты, приведенные в первой и второй частях этой повести, взяты из книги приват-доцента Александра Вилкова „С немцами по России“, Варшава, 1912 г. Описание продолжавшейся с 25 мая по 10 июня 1912 г. экскурсии по России большой группы немцев.

Я, конечно, не стану отрицать, что многие из немцев желали бы отодвинуть Русь за Волгу и Урал, я не однажды слышал это из уст очень интеллигентных немецких людей — писателей, журналистов.

М. Горький (см. „Красн. архив“, т. 45).

Почва средней и южной России, в особенности знаменитая черноземная полоса (insonderheit das berühmte Schwarzerdegebiet), значительно плодороднее, чем почва германской империи.

Рудольф Мартин.
„Будущность России“.

На чужой коровой рта не разевай:
по зубам получишь.

Русская народная пословица.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Жрать! Жрать! Жрать!

Всё это было в точности
И всё запротоколено,
О чем в начале повести
Рассказ я поведу.
И время тоже точное,
Былое, досоветское:
Все в девятьсот двенадцатом
Случилось году.
Жандармами усатыми
С глазами тупо-рачьими
Просмотрены, проверены,
Из поезда из прусского
На пограничной станции
Сошедши на перрон,
В буфет для чистой публики
Толпою стоголовою,
Как шумный эскадрон,
Ввалились немцы тощие,
Подтянутые, чванные,
Все сто, как на подбор —
С военной прусской выправкой,
Лишь касок нехватало им,
Недоставало шпор.

На стойку на буфетную
Они — все сто — накинулись,
Вплотную к ней придвинулись,
Всю выставку съедобную,
И пышную и сдобную,
В пучину стоутробную
Заглатывая сплошь, —
Жевали, сочно чавкали,
Давились бутербродами
Со всякой вкусной всячинкой,
Особенно со свежую,
Лежавшей влажной горкою,
Зернистую икоркою.
«Еще з икра, пажалюйста!..
Мит кавьяр, битте нох!»
Икре они, разнежившись,
Чуть не кричали «гох!»
Разморенные русскою
Обильною закускою
И — особливо ходкою —
Казенной русской водкою,
Назад пошли — шаталися,
В вагонах отдувалися:
«Закузка зер карош!»
В Варшаве немцы шустрые,
Пока вагоны прусские
Менялися на русские,
Подзакусили тож, —
Подзакусив, немедленно
По городу рассыпалися,
Рассыпалися, понюхали,
К герр-консулу немецкому
На пять минут наведались.
Герр-консул знал заранее

Прямое их задание,
Их подлинную роль!
Он им сказал напутственно:
«Наш долг...» «Исполним в точности!»
«Ди унзре пфлихт...» «Я воль!»

От царского правительства
К туристам любознательным
Приставлен был «беглейтером»
То-бишь, сопровождающим,
Прямую связью связанный
С жандармским отделением,
Мужчина представительный,
Пред немцами почтительный,
Знаток трех языков,
Махрово-монархический —
Приват-доцент Вилков.
Был дан Вилкову списочек,
В котором точно значилось,
Что гости — немцы видные,
Почтенные, солидные,
Чины-администраторы,
Средь них есть губернаторы,
Регирунгсраты важные,
Ландраты, полицмейстеры,
Судебные чины,
Директора, советники
Различных департаментов,
А также и ученые
Большой величины,
Наук экономических,
Наук агрономических
Большие знатоки.
Цель этой всей экскурсии —

Прогулка двухнедельная,
Однако ж, не бездельная,
А с мыслью основной,
С желанием естественным
Поближе ознакомиться
С соседнею, великою
Славянскою страной.

Нюх потеряв критический,
Вилков, сопровождающий,
Держась традиционного,
Штампованно-казенного,
Одобренного мнения
Насчет высокой честности
Почтеннейших гостей,
Не видел, а и видевши,
Тож не придал значения,
С чего бы это штатские
Особы, не военные,
А, проезжая Брест,
На крепость брест-литовскую,
На лагеря солдатские
Все гости до единого
Глаза усердно пялили,
Привскакивая с мест,
Иные же пустились
Биноклями обшаривать
Дороги и тропиночки,
Пригорки и ложбиночки,
Лежавшие окрест.
При этом всём, однако же,
Буфет вокзальный немцами
Был осажден и тут.
Вагоны вновь загрохали.

Пред сном все немцы охали:
«Закузка ружкий... гут!»

В дороге за ночь выспавшись,
На утро очутились
Туристы наши в Киеве.
Таков их был маршрут.
Устроились в гостинице,
Где местные встречатели,
Казенные вралы,
Гостей кормили завтраком
На денежки народные:
Ешь, брюхо завали!
Отсюда на извозчиках,
В пролетках нерекошренных,
Облупленных, ободранных,
С железным звоном, грохотом,
По рытвинам, колдобинам,
По выбитым камням,
Туристы-немцы, крякая,
От непривычки охая,
— Раз гость, терпи, не злись! —
До лавры до прославленной,
До крепости монашеской
За часик добрались.
Их встретил всех приветливо,
Рукою белой, пухлою
Наперсный глядя крест,
Монах слащаво-благостный,
Сановный сибарит,
Печерско-лаврский, стало быть,
Отец-архимандрит.
С ним гости любопытные
Все темные и душные

Пещеры обошли.
На свежий воздух выбравшись,
О чем-то с переглядкою
Хихикая украдкою,
Жужжали, как шмели.
Пред ними — Днепр серебряный,
За ним — просторы синие,
Леса, поля бескрайные
Раскинулись вдали.

Отсюда с подобающим
К туристам уважением,
С умильным выражением
На лице сладком, тающем
Отец-архимандрит
Повел гостей в гостиницу —
Не в грязную, народную,
А в чистую, «дворянскую»,
Где был для них уж празднично
Огромный стол накрыт.
За выдержанно-постную,
За икряную, рыбную,
Грибную и фруктовую
Монашескую снедь,
За сахарно-цукатные
За сладости плодовые,
За нежно-ароматные
За соты за медовые,
За квас хмельной, разымчивый,
За крепкие наливочки,
Вишневочки, сливяночки,
За вкусные селяночки
Казенно-проводителю
Вилкову тароватому

Уж не пришлось краснеть:
У разварной стерлядочки,
У балыка, севрюжины,
Икры — не меньше дюжины
Отборнейших сортов! —
Все немцы осовевшие,
Как будто год не евшие,
Пыхтели час, не менее.
Особое умение!
Сказать по справедливости,
Старались без стыдливости:
Ешь, пей, коли дают, —
Из-за стола стыдливые
Голодными встают.
Пилося немцам, елося
На славу, да имелось
К тому еще в виду,
Что к вечеру от города
В их честь банкет готовится
С оркестром симфоническим
И ужином отменнейшим
В великолепном киевском
«Купеческом» саду.

Со всякой точки зрения
Он стоил одобрения,
Невиданно-диковинный —
Другого слова нет! —
Банкет, организованный
Красноречиво-лаковым
«Градским главою» Дьяковым.
Да, это был банкет!
Но мне его в подробностях
Описывать охоты нет:

У самого, мне боязно,
Вдруг слюнки потекут.
Недаром поздно, за-полночь,
Когда в утробах вспученных
У них, едой измученных,
Плескалося, варилося,
Чорт знает что творилося,
Гостями сонно-вялыми
Уже под одеялами
Не то, что говорилося,
А бесперечь икалося,
Утробно выкликалося:
«Зак... кузка... рузкий... гут!!»

Весь день второй естественным
Был продолженьем первого:
Приятные слова,
Серьезное, курьезное,
Диковинно-забавное,
И то и сё, а главное —
Жратва, жратва, жратва!
Зашли в собор Софиевский,
Зашли в собор Владимирский,
А в самую жару
На флагами расцвеченном
Колесном пароходике
Опять с банкетом, с музыкой,
С застольным красноречием
Катались по Днепру.
Наевшись, напившись,
Банкетных слов наслушавшись,
Туристы стали спрашивать
Вилкова с нетерпением:
«Не опоздаем к поезду?»

Вилков ответил вежливо:
«Да, на вокзал пора.
Переночуем в поезде.
И завтра же с утра
Согласно расписанию
И вашему желанию
Крестьянские показаны
Вам будут хутора».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Шварц'эрде!.. чернозём!..

Мы ехали по чернозёму. Все немцы почему-то с завистью смотрели на наш чернозём.

А. Вилков. «С немцами по России».

Welchen reichen Ertrag würde der fruchtbare Boden der Schwarzerde liefern, wenn er statt von Russen von Deutschen besiedelt wäre!

Die Zukunft Russlands von Rudolf Martin. Leipzig. 1906.

(Какой богатый доход могла бы дать плодородная почва черноземной полосы, если бы она была населена не русскими, а немцами!)

Рудольф Мартин. «Будущность России». Лейпциг, 1906.

Туристы спали в поезде,
А утром очутились
Уж в Харьковской губернии,
Где у Ковяг, у станцийки,
Их ожидало зрелище
Особо любопытное,
Российски-самобытное,
Казенной красоты:

Почтовых троек линия
Пред ними растянулася
Почти на полверсты.
Кобылки, отбиваяся
От мухи надоедливой,
Потряхивали гривами,
Пускали в ход репейником
Забитые хвосты, —
И, дыбась и брыкаясь,
Наполнив воздух ржанием,
Ярились жеребцы.
С обычным прилежанием,
С густым упоминанием
Родителей, святителей,
Всё так же, как бранились
Их деды и отцы,
Бранились бородатые,
Нечесано-лохматые
Почтовые извозчики:
«Эй, осад!» «Подвинь!»
Под расписными дугами
Смеялись хохотунчики,
Гремушки-грохотунчики,
Задорные бубенчики, —
Веселые, болтливые
Звенели колокольчики:
Динь-динь, динь-динь, динь-динь!
Туристы разместились,
Уселися, поехали
Дорогою извилистой
Средь моря безграничного
Ржаного и пшеничного
С густым, высоким колосом
По самую по грудь.

Дорога безобразная,
Размоченная, грязная,
И вязкая, и тряская,
На взгляд немецкий — жуть.
Пред головную тройкою
Мотаясь суматошливо,
И криком и нагайками
Гоня с дороги встречные
Телеги с таратайками,
Ей верховые стражники,
Охальники и бражники,
Указывали путь.

Под конскими копытами
Грязь черная и липкая
Разбрасывалась в стороны,
Летела в немцев комьями.
То ль ехать, то ль слезать?
Чай, грязь — не мед, не патока:
Забрызжет — не слизать.
Грязищей весь забрызганный,
Турист, профессор Шустерман,
Сказал не без чудачества,
Что чернозем — чтоб полностью
Узнать его все качества —
Не только видеть, надобно
Еще и осязать.
Впрямь, было показательно,
Насколько осязательно
Воспринимался немцами —
Под видом бескорыстного
Анализа научного —
Вид чернозема тучного.
«Шварц'эрде!» Немцы все

Шептали зачарованно,
Наслышавшись издавна,
С ребяческого возраста,
Об этой, нынче узренной,
О черноземной, сказочной
Пшеничной полосе.
«Шварц'эрде!» все вполголоса
Стонали сокрушительно,
И ни о чем решительно
У них уж речи не было.
Забыли обо всём,
С волнением нескрываемым
Они с повозок прыгали,
Шварц'эрде брали на руку
И растирали пальцами,
И сладострастно нюхали:
Так вот он — знаменитейший,
«Берюмте шернасём»!
Просторы неоглядные
Зелено-серебристые,
Струистые, волнистые,
С цветистыми узорами
Окидывая взорами,
Они по временам
То кричали, то охали:
«Иметь шварц'эрде плохо ли?!»
«Такое б счастье нам!»
«Мы что бы тут устроили!»
«Мы б урожай устроили!»
«Будь это наше...»

«Швейг!!»

С военной односложностью,
С привычной осторожностью
«Цыц!» — цыкнул назидательно

(Начальник, уповательно)
Регирунгсрат фон Цвейг.

Вела дорога в бывшее
Помещичье имение.
В последнее владение
(Последняя нора!)
Какого-то облезлого,
Век жившего дурачисто,
Прожившегося начисто
Дворянского бобра,
В именье разоренное,
Долгами оплетенное,
Бобром не от добра
Чрез банк замельный сбытое
Крестьянам и разбитое
Затем на хутора.
Лишь дом один помещичий
Да сад при нем огромнейший
Остались во владении
Бобра. И жил он здесь
Среди народа скрытного
Дворянским соглядатаем:
Что, мол, крестьяне думают,
Про что их речи тайные?
Крестьянскими поклонами
Свою он тешил спесь.

Вилковым вышесказанным,
Втирать очки обязанным,
Туристам объяснилось:
Крестьянам-де не снилось,
Что им за добронравие
По благости начальственной,

По мудрости столыпинской,
Такое счастье выпадет:
В руках у них окажется
Именье «Снежнов-Кут», —
У каждого крестьянина
Вдруг будет хутор собственный!
«А хуторянин-собственник —
Прямой оплот законности,
В нем к смуте нету склонности;
Имеем факты точные:
Вот где устои прочные
Для отвращенья смут!
Есть хутора отдельные,
Взять тот же «Снежнов-Кут»,
Не образцы заочные —
Что стоили досельные
Политики земельные! —
Вот реки где молочные
Сквозь берега кисельные
Спокойно потекут!»
Все немцы умилялися,
Устоям удивлялися
И говорили: — «гут!»

На хуторе на первом же
Роскошно-показательной
Заглавной иллюстрацией
К грядущим чудесам
Был — с преогромной свитою,
Своей администрацией —
Сам губернатор харьковский
(Звался он Катериничем).
Да, губернатор сам!
Напудренный, нафабранный,

При всех своих регалиях,
В мундире камер-юнкерском —
Ну, хоть в парадный зал! —
С приветливою важностью,
С сановной авантажностью,
С изысканной любезностью,
С широким жестом таким
Гостям «Добро пожаловать!
Вилькоммен!» — он сказал.
Гостям и губернатору
(«Эк сколько их, начальников!
Все набрались отколь?»)
Старик, хозяин хутора,
По-оперному ряженный,
Причесанный, приглаженный,
С оглядкой — ох, боязно! —
Всем поклонился поясно
И преподнес хлеб-соль.

По хуторам поехали.
«Глядите, не утеха ли?»
Так немцам говорилось:
«Что нами заварилось!
Крестьяне как живут,
Чего тут набабахали!»
Все немцы дружно ахали
И говорили: «гут!»
Ландрат, герр Кох, не выдержал,
На языке на ломаном
Хваля «пшенис унд рош»,
Крестьянина угрюмого,
Степана Завгороднего,
Спросил: «Ваш жисть на куторе
Довольно есть карош?»

Ответ был неожиданный,
Начальство покоробивший,
Вилковский брѣх угробивший:
«Не жизнь, а благодать!
Живем — не ходим по-миру,
Но милостыню нищему
Тож не с чего подать».
Лицо у губернатора
В одну секунду сделалось
Багровое, как медь;
Он рядом с ним стоявшему
Дежурному охраннику
Сказал: «Сырцов, заметь!»
Вилков герр Коху с кислою
Собачьей оскалиной
Сказал про Завгороднего:
«Нет лучше хуторянина,
Мужик он преотменнейший,
При всем при этом блещущий
Народным остроумием:
Для красного словца,
Как говорит пословица,
Не пожалеет матери,
Не пощадит отца!»

С брезгливою опаскою
Входя в избышки жалкие,
На их убранство скудное,
На печи, образа
Все немцы с изумлением
Таращили глаза.
Но, обходя избышечки
И голые дворы,
Все гости до единого

Сильней всего дивилися
Огромному обилию
Крестьянской детворы.
Поп — без попа обедни нет,
Был поп и тут в наличности, —
Он рек, что многочадие —
Благословенье божие.
Крестьянская толпа
Ответила по-своему,
По-своему дополнила
Речение попа:
«Насчет житья отпетого
Не скажем ничего.
А дети... В части этого
Уж это мы тово!»
Семья была не малая
У мужика у хмурого,
Степана Завгороднего:
Сбиваясь на ночлег,
В одной избе теснилось
Десяточек ребяточек
Да бабка, доживавшая
Свой горький вдовый век,
Да сам с женой — ровнехонько
Тринадцать человек.
Тут стало члену рейхстага,
Барону Киршенштейнеру,
Свое недоумение
Невмоготу скрывать:
«Да где ж они», воскликнул он:
«Все спать располагаются?
В избе — одна кровать!»
«Где спать вы размещаетесь,
Наш гость интересуется?»

Вилков спросил у бабушки.
«Нашел он что, твой немец-то,
Про нас разузнавать!
Где спим!» Сказала бабушка
Задорливо, укорливо,
Вопросу неразумному
Дивясь не путем:
«Мы на печи, на лавочке
Да на полу разместимся.
Есть нечего, скажи ему;
Хоть раз наестся б досыта!
А где нам спать, наевшись,
Уж место мы найдем.»

«Сплошное остроумие!»
Сказали немцы вежливо.
Но рожу губернатору
Свело такую корчею,
Как будто наступил ему
Кто-либо на мозоль.
«Я думаю, достаточно
Все гости находились,
Осмотром насладились.
К тому-ж и мне пора уже
Свою исполнить роль».
Сказал он так: «Покорнейше
Прошу вас, гости милые,
Принять без осуждения
И от меня хлеб-соль!»
«Хлеб-соль» гостям он, подлинно,
Поднес по-губернаторски:
В большом доме помещищем
Бобра вышереченного
На денежки казенные

Всё было приготовлено
На диво — то-есть, всяческой
Превыше похвалы:
Под снедью первосортною,
Из Харькова доставленной,
Под дорогими винами,
Цветочными корзинами
Ломилися столы.
Всем блюдам подаваемым,
Всем винам разливаемым,
Деликатесам, пряностям,
Пред каждую персоною
Положен был особенный,
Весь золотыми буквами,
Славянской вязью древнею
Узорно напечатанный
Напутственный реестр.
Гремел оркестр — из Валкова,
Из города ближайшего,
Пожарный, не ахтительный,
Не очень восхитительный,
А все-таки оркестр.
Застольным красноречием
Блеснули два оратора:
За словом губернатора
Взял слово немец, Кох.
Держа бокалы узкие,
«Ур-р-ра!!» — кричали русские,
Кричали немцы: — «гох!!»
Все быстро нализились,
В хмелю разлобызались.
«Фотографа позвать!»
Снялись гуртом и группами
И снова — полутрупами —

Засели пировать.
Уж время к ночи близилось,
Давно уж солнце снизилось,
Уж ярко разливалась
Вечерняя заря,
А пир еще не кончился,
Всё тосты продолжались
И выкрики отдельные —
Не все членораздельные,
По правде говоря.
«Внимание! Внимание!
За дружбу, процветание,
За кейзера немецкого,
За русского царя!»
Орали, обнимались,
Опять гуртом снимались.
Был пир — не описать!
Рекорд жратвы поставили.
Потом крестьян заставили
Пред немцами плясать.

Я не с пустой котомкою,
Возок мой не с поломкою,
А всё ж я повесть комкаю,
К концу ее клоня.
От продолженья повести,
Скажу по чистой совести,
Я ухожу: мотня.
Картинно-карусельная,
Чем повесть станет цельная?
Поздка — двухнедельная,
Я ж описал... три дня.
Берет меня смущение.

Что стоит посещение
Хотя б одной Москвы!
Торгово-богомольная
Москва первопрестольная,
Осмотр ее, все случаи
Банкетов и жратвы
Возьмут, сочтем за лучшее,
Огромных три главы.
Материал значительный,
Местами — помрачительный,
Но длиннотой грозит.
Итак, я заключительный
Теперь беру визит:
Все немцы — гости в Питере!
По самой лучшей литературе
Устроен им приём.
Но мы осмотров питерских
С дворцов и до кондитерских
Опять же не даем.
Всем немцам отъезжающим,
Свершившим свой обет,
Событьем завершающим
Прощальный был обед.
Вот что на основании
Веденных дневников
Об этом расставании
С гостями из Германии
Писал доцент Вилков:

«Прощальный обед прошел живо, весело, в приподнятом настроении. На обед были приглашены германский посол при русском дворе, товарищ главноуправляющего землеустрой-

ством и земледелием А. А. Риттих, главный ревизор землеустроительного комитета А. А. Кофод и некоторые другие чины землеустройства. Были представители и немецкой колонии. Была прочтена телеграмма от председателя совета министров В. Н. Коковцева.

Очень остроумную речь в конце обеда произнес ландрат фон Реймонт. Он задался целью представить нашу экскурсию в цифрах. И пришел к следующим выводам: общий вес экскурсантов составлял при въезде в Россию 7 238 килограммов и 222 грамма, при выезде же из России он равнялся 8287 килограммам и 391 грамму, так что прирост на каждого экскурсанта составляет почти 10,5 килограмма. Потребление икры составляло в среднем на экскурсанта 7,52 килограмма, у некоторых же оно достигало 15,29 килограмма. Как последнюю цифру, оратор приводит процент экскурсантов, высказавших пожелание снова посетить Россию, причем по возможности с женами или другими родственниками. Таких экскурсантов оказывается 100%. Цифра эта вызывает шумные аплодисменты».

(Стр. стр. 111—113 книги «С немцами по России»).

Дадим подсчет упрощенно:
Двенадцать дней пути,

А жиру-то нарощено
По пудику почти!
Уж с первых дней экскурсии
У немцев, — с восхищением
Твердивших и с отрыжкой,
А после и с одышкой:
«Закузка рузкий гут!», —
Костюмы стали узиться,
Терять фасон, кургузиться,
Вдруг затрещат подмышкою,
То где-то ниже талии,
А то еще подальше,
Иль сразу там и тут.
Уже в Москве экскурсии
По номерам гостиничным,
Взяв двери на засов,
Пришлось заняться сразу же
Занятием первой срочности —
Проверкой швов, их прочности,
Перестановкой пуговиц,
Расшивкой поясов.
Как немцы ни старались
Держать свой внешний лак,
А в Петербург добрались —
Не знали сами, как.
Все стали толстопузые.
Костюмы их кургузые
С чужих казались плеч.
Пришлось, купив готовые,
Себя в костюмы новые,
Просторные, облечь.
И то сказать упрощенно:
Двенадцать дней пути,
А жиру-то нарощено

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*Немецкая оккупация
Украины 1918 года*

Прошло шесть лет ровнехонько.
К исходу шла всемирная
Жестокая война.
От немцев отбивалася
Уж не Россия царская,
А новая, великая
Советская страна.
Немецкие захватчики
На Украину хлынули,
Пасть хищную разинули —
И над страной, лежавшею
С ножом, ей в грудь водвинутым,
Военной оккупации
Разбойничьим ножом,
Они, как звери хищные,
Клыки свои оскаливши,
Над всею Украиною,
Войною разоренною,
Оравой разъяренною
Свирепо измывалися
И дико упивалися
Повальным грабежом.

Вот тут-то и случилось,
Такое приключилось:
В деревне «Снежнов-Кут»
Раздался крик: «Спасайтесь!
Отряд немецкий!»

«Ироды!»

«Коль хлеба им не выдадим,
Всех мужиков, объявлено,
У нас пересекут!»
В деревню немцы ринулись,
На мужиков накинулись:
— Кде клеп? —

— Дафайте клеп!

— Эй, ти! Пазлюшай, дедушка,
Твой клеп скорей показывай! —
Но дед, Егор Колодяжный,
Сурово заупрямился,
Врагам сказал: — я слеп! —
— Ти слеп? Так мы проверимся! —
Связали руки старому,
Бранясь, во двор помещичий
Его поволокли.
Степана Завгороднего
Избили, окровавили
И с мужиками прочими
Туда же привели.

И вот в дому помещичьем
На круглое, широкое
Помещичье крыльцо
Взошло — крестьяне ахнули! —
Военное, знакомое,
До ужаса знакомое
Немецкое лицо.

«Чтоб ты, когда здесь пьянствовал
Винищем отравился бы,
Котлетой подавился бы!
Чтоб ты тогда издох!»
То был — вот в этом доме же
Лобзавший губернатора
И голосивший «гох»,
Тогда ландратом звавшийся,
А нынче оказавшийся
Риттмейстером, герр Кох!
Пред ним толпой понуренной,
Озлобленно-нахмуренной,
Немецкими солдатами
Вплотную окруженные,
Угрюмо-напряженные
Стояли мужики.
Риттмейстер, брызжа пеною,
На них на всех набросился:
«Ви взе — большевики!
Ви, зволець, бунтовайтеся!
Наш влясть не признавайте!
Ви нэ повиновайтеся!
Ви клеба не показывайте!
Я будет вас наказывайте!
Семь кожа с вас здирайте!»
Бобёр — помещик, стало быть, —
Подсунул Коху списочек,
Кого из мужиков
Считал он всех строптивее,
Зловредней и опаснее.
Вот барин был каков!
Пороли перво-на-перво
Степана Завгороднего:

— Я знайт ефо! Я знайт! —
Кричал так экзекуторам
Риттмейстер разъярившийся:
— Он недофольный з барином!
Он недофольный з немцами!
Пороть его без жалости,
Большая зделать боль,
Чтоб бризгал кровь мужицкая! —
Немецкие секуторы
Вскричали: «Постараемся!»
По-ихнему: «Я воль!»
Спина у Завгороднего
От пояса до ворота
Была вся сплошь испорота,
Уж больше места не было
Кровавым новым полосам.
Но злым, истошным голосом,
От крови охмелевшее,
Бранилося немецкое
Высокоблагородь,
По-русски материлося
И пуще все ярилося:
«Пороть! Пороть! Пороть!»
Пороли всех — по списочку!
Нещадно, одинаково.
А Кох ногой подрыгивал,
Присвистывал, подпрыгивал:
«Гра-ля, ля-ля, ля-ля!»
Иметь ви должен знания:
Ви все и ваш поля
Принадлежайт Германия!
Дас гренцлянд, весь Украина,
Немецкий есть земля!
Ми, немец, ваш правительство!»

В деревне шло грабительство
Сплошное, поголовное,
С жестоким применением
Побоев и угроз.
Повсюду немцы шарили,
Мукой, зерном и птицею
Набили — дальше некуда —
Длиннейший свой обоз, —
Метнулись за скотиною,
По огородам, выгону
Охотились за ней, —
Под женский вопль, под горькие
Рыдания-причитания
Забрали всех коровушек,
Волов, овец, свиней,
Забрали и отправили
На станцию — под пляс
Уже самих воителей,
Разнузданных грабителей:
«Не плачьте, глупый жителей!
Ви все без понимания:
Голодный наш Германия
Есть будет ваша мяс!»

Захватчики старались,
Зерна, скота и птиц
Награбивши, нажралися,
Винища нахлесталися
И похотливо ринулись
Искать, ловить, насиловать
Девиц и молодежи.
А сам герр Кох помещицей
Доволен был весьма:

Ему на шею барыня
Повесилась сама.

Стонал народ украинский.
Центральной предан Радою,
Он немцам стал наградою:
«Всё, немец, забери!»
И немцы брали яростно,
Хлеб гнали эшелонами,
Вагоны за вагонами —
С зари и до зари.
Что им народ украинский?
Пусть гложет сухари!

Деревня коль упорная
Хваталась за оружие —
Расправа с ней была:
Деревня непокорная
Сжигалась до тла.
Расправы шли кровавые:
Расстреливали, вешали,
Казнили всех подряд
Не за одно упорство лишь
И не за слово резкое,
А за единый пламенный
Крестьянский гневный взгляд.
Но скоро для насильников
На Украине приняло
Грабительство разбойное
Печальный оборот:
На их разбой, насилие
Ответил забастовками
И боевым восстанием
Разгневанный народ.

Недолго звери лютые
Над всею Україною
Свирепо измывались
И дико упивались
Повальным грабежом:
Нет! Сила-мощь народная
Крестьянская, рабочая,
Была не вся истрачена:
Страна была охвачена
Пылающим повстанческим
Народным мятежом.
Отряды партизанские
Росли повсюду, множились
Уж не по дням, а, подлинно,
Рождались по часам;
По кличу собирались,
Умело укрывались
По балкам и лесам.
Оттуда, из укрытия,
Средь бела дня, при случае,
И средь полночной мглы,
Чуть вороны немецкие
С добычею награбленной
Дозорными приметятся —
На них стремглав бросались
Украинские соколы
И грозные орлы.

Все немцы всполошились,
Итти на всё решились;
Риттмейстер Кох особенно:
Где он пройдет — пожарами
Следы его горят.
Его пути разведывал,

Везде его преследовал,
Грозой шел неотступною
И тормозил без усталости —
Степана Завгороднего
Повстанческий отряд.

Бойцов в нем было много ли?
На свежую-то ниточку
По пальцам перечесть.
Но Коха всё ж «потрогали»,
Оттяпали зениточку
Да пулеметов шесть.
Отряд меж тем всё ширился,
Всё креп, в конце концов
Сверх сотни накопилось
Отчаянных бойцов:
Была разведка конная,
Команда пулеметная, —
Снарядная, патронная
Добыча заимелась,
Погрохивала пушечка
Немецкого литья.
Степан в соображение
Взял чьё-то выражение:
— Чужое снаряжение,
А тактика — своя! —

Учился этой тактике
Степан в боях, на практике,
Но всё ж, хоть этой тактикой
Отважной, партизанскою,
Он Коху досадил,
Однако часто, хмурясь,
Он грыз усы с досадою

И трубкою чадил:
Риттмейстера засадою
Накрыть ему хотелось,
Но до поры до времени
Риттмейстер уходил.
Кох, за свои жестокости
Заслугами увешанный,
С лицом злодейским, каинским,
Метался, словно бешеный,
По деревням украинским
До самой той поры,
Когда в самой Германии
Взорвали власть дворянскую
И нечисть офицерскую
Страдания народного
Калёные пары.

Народная Германия
Зажглась огнем восстания.
У Коха дрогнул тыл.
Его солдаты сжались,
Честней кто — разбежались,
У тех же, что сражались,
Уж был не прежний пыл:
До грабежа ли было им,
Коль не увезть и взятого!
Тут Коха распроклятого
Степан-то и накрыл!

Живьем бойцами схваченный,
Риттмейстер озадаченный,
Испуганный, растерянный,
Стоял, как волк ощеренный,
Пыхтел, как жирный сом.

Степан сказал: «Товарищи,
Давно я Коху нравлюся,
Так я уж сам расправлюся
С поганым этим псом.
Пусть это будет вóрогам
И нынешним и будущим
Расплата и урок!»
Так Завгородний вымолвил.
Наган в руке. Прицелившись,
Степан нажал курок.

☆ ☆ ☆

К тому, что здесь рассказано,
Короткий, заключительный
И для меня значительный
И радостный аккорд:
Степану Завгороднему
По матери, украинке,
Я довожусь племянником —
И дядькой очень горд.
Пред Украиной милою,
Пред всей народной силою
Степану Завгороднему
Я славу-честь пою.
Утробной пуповиною
Сращенный с Украиною,
Я этою былиною
Ей долг свой отдаю.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

*Эпоха строительства
Украины 1936 года*

Заторов нет у времени.
Года бегут, бегут.
Степана Завгороднего
Признай теперь — он жив еще.
Его в войну гражданскую
Не раз огрел помещичий,
Белогвардейский кнут, —
Он в годы предколхозные,
Ведя борьбу с кулачеством,
С вредительством и рвачеством,
Был беспощадно крут;
Со дня весьма серьезного —
Дня первого колхозного —
Он состоит заслуженно
Бессменным председателем
Колхоза «Красный Кут».
Он горд спокойной гордостью.
С несокрушимой твердостью
И мудростью, и честностью
Он, чтимый всей окрестностью,
Без крику, без угроз,
Сломив повадку шкурную,

Корыстную, блудливую,
На линию культурную,
Зажиточно-счастливую
Поставил свой колхоз.
Сбылося, что не снилося.
Как всё здесь изменилося —
От облика наружного
До радостного, дружного
Колхозного труда!
Дед весел. От Степановой
От досоветской хмурости
Не стало и следа.
«Ушли от старой дурости!
Вот стали жить когда!»
Не вся ль страна советская,
Твердыня капитальная,
Насковозь индустриальная,
Не нищенски-голодная,
Могучая, свободная,
Без прежних барских пут,
Так стала непохожею
На крытую рогожею
Россию старопрежнюю,
Как на былой, на сникнувший,
Запущенный, загаженный,
Насквозь обезображенный
На «Снежнов-Кут» помещичий
Стал непохож теперешний
Цветущий, крепко слаженный
Силач машинно-тракторный,
Колхозный «Красный Кут».

Из всех детей Степановых
В живых осталось шесть.

Шесть сыновей Степановых —
Отцу большая честь:
Данило — в красных лётчиках,
Микола — в краснофлотчиках,
Микита — в кавалерии,
Омелько — агроном;
Антон с Петром — комбайнеры,
Отличные комбайнеры:
Почетный орден новенький
Сверкает на одном
За то, что он рекордную
Победу одержал, —
В Москве, в кремлевском здании,
Петру пред награждением
С сердечным обхождением
Сам Сталин руку жал.

Коль кто-нибудь при случае
Степану Завгороднему
Иль скажет иль прочтет —
Фашисты, мол, немецкие
Усиленно бахвалятся:
На области советские
Они вот-вот навалятся,
Хотят свершить налет,
Перекроить всё заново,
Взять то, что потучней, —
«Так, так!» — лицо Степаново
Становится мрачней,
Ложится складка строгая
Промеж седых бровей, —
Рукой любовно трогая
Висящие над столиком
Портреты сыновей,

Он говорит с усмешкою:
«Бароны наезжали к нам
Сначала в гости вроде бы,
А после с эскадронами.
Вот то-то и оно:
Выходит, что с баронами
Фашисты заодно.
Так, говоришь, куражуются?
Ну, что ж, пускай отважутся.
Средь удалых бойцов
Не худшими окажутся
Моих шесть молодцов.
И сам я попытаюсь —
Где дети, там отцы, —
С фашистами сквитаюсь
За горб исполосованный
Немецкими шпич-прутьями,
За все мои рубцы!»!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Партизаны, вперед!

«В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

И. Сталин.

Свершилось злодеяние
Чудовищно-кошмарное,
Невиданно-огромное,
Неслыханно-коварное,
Фашистски-вероломное:
Идущими ко дну,
На гибель обреченными,
Рассудком помраченными
Немецкими фашистами,
Руками их нечистыми,

Мы втянуты в кровавую,
Ответную, защитную
Народную войну.

Предела нет бесчестию
Фашистского отродия.
Взбесились кровожадные
Злодеи, беспощадные
Бандиты-палачи.
И пажити советские,
Сады, луга росистые,
И нивы золотистые,
И сладкие бахчи
Подверглись злему бедствию,
Внезапному нашествию
И пешей и летающей,
Всю зелень поедающей,
Коричневой, прожорливой
Фашистской саранчи.

Вся нечисть саранчевая
Ползет, как ошалелая,
Летит, как одурелая:
Зима страшна ей новая,
Голодная, суровая.
Не выдержать зимы!
Она довоевалась.
От рока неисходного,
От мора от голодного
Она уйти пыталася,
Во все концы металася,
Чужой едой питалася,
Насильно, не взаймы,
Всё, всё вокруг да около

Брала, ничем не брезгуя,
До нищенской сумы, —
Культурнейшие ценности
По-варварски раскокала,
А всё ей нету прибыли,
Всё не уйти от гибели,
Как вору от тюрьмы.
А рядом — нивы тучные,
Места благополучные,
Края, зерном обильные;
Но, их оберегая,
Храня, как от чумы,
От покушенья вражьего,
Народной силой мирною,
Но в обороне грозною
В строю стояли — мы.

Злой саранче, изморенной,
Приманкой раззадоренной,
Не стало больше выхода.
Фашистское отчаянье,
А не избыток сил,
Вот тучу саранчевую
Что на народ наш бросило
Искать судьбы ускоренной:
Жратвы или... могил!
Мы саранче ответили,
Ее мы боем встретили,
В могилах нет отказу ей,
Но хлеба — не даем.
Всей нашей грозной силою,
Стальной, бронекованной,
Живой, организованной,
Врагу не уступающей,

С днем каждым нарастающей,
Мы саранчу фашистскую
И наступая, бьем ее,
И отступая, бьем.
Уж до миллиона выбили.
Добьем и до пяти.
Нет, от конечной гибели
Фашистам не уйти!

Народ, в себе уверенный,
Историей проверенный,
С какими Чингиз-ханами,
С какими великанами,
С Наполеоном — шутка-ли! —
Мы встречный бой вели.
Народ, в себе уверенный,
Мы, сколь ни зарывались
Враги к нам в глубь российскую,
На миг не отрывались
От временно утерянной
Своей родной земли.
С «двенадцатью языками»
И с полководцем-гением
Народ наш бился пламенно,
С особенным умением,
С отвагой партизанскою
Озлобленных крестьян.
В тылу наполеоновском,
Где мародеры грабили
Крестьян, в тылу оставшихся
(По-ихнему «пейзан»),
Отряды мародерские
Бежали в диком ужасе
При крике: — «партизан!»

От партизан грабителям
Тогда весьма досталось,
Не мало их осталось
Лежать в земле сырой, —
От партизанской удали
Дух падал в войске вражеском
И с каждым часом — худо ли! —
Редел военный строй.

В любой войне — и в нынешней —
Успехи все военные —
Успехи переменные:
Там — враг теснит нас бешено,
Здесь — мы тесним врага,
И если в нашу сторону
Пока вогнулась выпукло
Фашистско-вражьей линии
Военная дуга,
Ужо мы постараемся,
Мы силы набираемся
И знаем толк в вещах:
Враг нами скоро свяжется
И не в дуге окажется,
А в огненных клещах!

Весь мир дивится доблести
Советской Красной Армии,
Ее особой стойкости,
Еще нигде фашистами
Не виданной досель.
Ее неотразимые
Кроваво-смертоносные
Удары по противнику
Видали мы не все ль!

Она под вражьем натиском,
Коварно подготовленным,
От вероломной сволочи
Геройски отбивается
И — силой наливается
Народно-боевой.
День недалек решительный,
Когда полки фашистские
Те, что еще останутся,
При общей их гибели
Помчат назад стремительно,
Поднявши жалкий вой.

До той поры, товарищи,
Родные братья, кровные,
Все, кто подвергся участи
Печальнейшей, но временной —
Терпеть грабёж-насилие
Во вражеском тылу,
Примите к сердцу братскому
Слова мои любовные,
Всё то, что мною сказано
Степану Завгороднему,
Его упорной стойкости
И партизанской удали
И в честь и в похвалу.
Проникнитесь верою
В победу дела нашего,
Святого дела, правого.
Народ, в себе уверенный, —
Как не сдавали ране мы,
Так и теперь мы выдержим,
Не попадем в фашистскую
Лихую кабалу.

Вооружитесь мужеством
И гневным словом Сталина,
Из самых первых первого
Бойца за нашу родину,
Отца родного нашего,
Великого, могучего,
Уверенно-бесстрашного
И прозорливо-мудрого
Народного вождя.
Всей силой партизанскою
Ударьте по насильнику,
Для счастья нашей родины
Ни сил своих утроенных,
Ни жизни не щадя!

Всей силой партизанскою
Обрушьте на захватчика,
Чтоб, дрогнув, он почувствовал,
Что нет ему спасения
Там, где народ весь борется,
Где каждое прикрытие,
Где каждый кустик маленький
Ему свинец дарит,
Где небо раскалилось,
Где воздух пышет пламенем,
Где под фашистской нечистью
Сама земля горит!

Редактор Ив. Мартынов

*Тираж 200 000 экз. Подписано в печать
15 июля 1941 г. А38838. 1^{3/4}, печ. листов.
1,93 авт. листов. 36 992 зн. в п. л.*

Цена 25 коп.

*1-я Образцовая типография Огиза РСФСР
треста „Полиграфкнига“, Москва,
Валовая, 28. Заказ № 2595*